

Научная статья
УДК 378.4(571.14):37.017.4

Дрёмовский метод, или «педагогическое барокко»: история одного эксперимента в провинциальном вузе

Харламов Андрей Васильевич¹

¹Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск, Россия

Аннотация. В статье представлена история уникального образовательного эксперимента, развернувшегося на историческом факультете Новосибирского государственного педагогического университета (ранее института) в начале 1990-х годов. Автор, будучи студентом и затем молодым преподавателем, реконструирует контекст создания экспериментальной группы, которая училась по индивидуальному плану с акцентом на мировую культуру, древние и живые языки, отказ от жестких идеологических схем. Ключевыми интеллектуальными ориентирами для заведующей кафедрой истории мировой культуры Л. И. Дрёмовой стали идеи И. Г. Гердера (понятие «духа народа», историзм, воспитание гуманности) и метод И. Тэна (раса – среда – момент), позволившие преодолеть формационный подход и европоцентризм. Особое внимание уделяется формированию системного взгляда на культуру, где художественное творчество, быт, история и социальная психология связаны воедино. Автор вводит оригинальное понятие «педагогическое барокко», которое трактует не как стиль, а как образовательный метод, ориентированный на чувственное восприятие, игру света и тени, театральность, диалог культур и эмоциональное воздействие на ученика. На примерах музейных практик (Эрмитаж, анализ картин Рубенса) показывается, как Дрёмова превращала занятия в «освобождение от труда» (*otium post negotium*), воспитывая свободное, уважительное отношение к множественности культур. Отдельный сюжет – роль Л. И. Дрёмовой в профессиональных судьбах учеников: помощь с трудоустройством, поддержка при поступлении в аспирантуру, создание атмосферы преемственности и защиты от административного произвола. Автор, сам ставший заведующим кафедрой, осознанно повторяет стиль Дрёмовой: мягкость в обычных обстоятельствах и жесткость при защите коллег и студентов. В финале утверждается, что метод «педагогического барокко» остается востребованным при преподавании философии и истории идей, позволяя «посмотреть на мир глазами человека другой эпохи». Текст сочетает личные воспоминания, историко-культурный анализ и методологическую рефлексию, предлагая ценный пример альтернативной педагогики в переломные 1990-е.

Ключевые слова: «педагогическое барокко»; Л. И. Дрёмова; экспериментальное образование; история культуры; культура

Для цитирования: Харламов А. В. Дрёмовский метод, или «педагогическое барокко»: история одного эксперимента в провинциальном вузе // Культурно-антропологические исследования. – 2026. – № 2. – С. 110–119.

Scientific article

The Dryomova method, or “Pedagogical Baroque”: the History of an Experiment at a Provincial University

Andrey V. Kharlamov¹

¹Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russia

Abstract. This article presents the history of a unique educational experiment that unfolded at the Faculty of History of Novosibirsk State Pedagogical University (formerly Institute) in the early 1990s. The author, who was first a student and later a young lecturer at the institution, reconstructs the context behind the creation of an experimental group of students who followed an individual curriculum focused on world culture, ancient and living languages, and the rejection of rigid ideological frameworks. The key intellectual reference points for the head of the Department of the History of World Culture, L. I. Dryomova, were the ideas of J. G. Herder (the concept of the “spirit of the people,” historicism, and the cultivation of humanity) and the method of H. Taine (race – milieu – moment), which enabled the overcoming of the formational approach and Eurocentrism. Special attention is paid to the formation of a systemic view of culture, where artistic creativity, everyday life, history, and social psychology are integrally connected. The author introduces the original concept of “pedagogical Baroque,” which he interprets not as an artistic style but as an educational method oriented toward sensory perception, the play of light and shadow, theatricality, the dialogue of cultures, and emotional impact on the student. Drawing on examples of museum practices (the Hermitage, analysis of paintings by Rubens), the article demonstrates how Dryomova transformed classes into an “escape from labor” (*otium post negotium*), cultivating a free and respectful attitude toward the multiplicity of cultures. A separate thematic thread concerns L.I. Dryomova’s role in the professional destinies of her students: assisting with employment, supporting applications to graduate school, and fostering an atmosphere of continuity and protection from administrative arbitrariness. The author, who himself later became a department head, consciously emulates Dryomova’s style: gentleness in ordinary circumstances and firmness in defending colleagues and students. In conclusion, it is argued that the method of “pedagogical Baroque” remains relevant in teaching philosophy and the history of ideas, allowing one “to see the world through the eyes of a person from another epoch.” The text combines personal reminiscences, historical-cultural analysis, and methodological reflection, offering a valuable example of alternative pedagogy during the pivotal 1990s.

Keywords: “Pedagogical Baroque”; L. I. Dryomova; experimental education; history of culture; culture

For citation: Kharlamov A. V. The Dryomova method, or “pedagogical baroque”: the history of an experiment at a provincial university. *Culture and anthropology research journal*, 2026, no. 2, pp. 110–119.

Введение. Когда в 1989 году я поступал в педагогический институт, на экзамене по отечественной истории мне попался вопрос: «Русская культура XVII века». Тогда я еще не предполагал, что этот вопрос окажется для меня судьбоносным. Как абитуриент, которому за неделю предстояло повторить и выучить множество подобных вопросов, я помнил на экзамене только три

словосочетания: «русское барокко», «силлабическое стихосложение», «Симеон Полоцкий». Что такое силлабический стих? Кем был поэт Симеон Полоцкий? Чем «русское» барокко отличалось от «нерусского»? Я, конечно же, не знал. Но для того чтобы прекрасно ответить и получить максимальный балл, мне учебного материала хватило. А вот что такое барокко на самом деле, я узнал лишь спустя некоторое время, встретившись с Людмилой Ивановной Дрёмовой. Впрочем, обо всем по порядку.

Поступал я на исторический факультет по специальности «учитель истории и методист воспитательной работы». Других специальностей на факультете, насколько помню, в 1989 году просто не было. Нас набрали пять групп, а я попал в первую. Но первый курс давался тяжело. У нас были замечательные преподаватели по основам педагогического мастерства и культуре речи (мы учились выступать перед аудиторией, вести споры, спасибо за это Владимиру Петровичу Пивченко и Николаю Николаевичу Киселеву), археологию преподавала Татьяна Ивановна Троицкая (живая легенда факультета), а историю древнего мира читал египтолог Александр Витальевич Эдаков [4, с. 7]. Но в это время все вокруг стремительно менялось, и учиться так, как это делали студенты до нас, было скучно.

Поскольку мне, когда я поступал, было всего 16 лет, я подумывал о возможности после первого курса попробовать поступить в НГУ или какой-то иной вуз. А потому ряд дисциплин нередко прогуливал, уверенный, что школьное образование позволит их успешно сдать, несмотря на пропуски. Но вот в конце года среди студентов прошел слух, что на факультете планируют создать экспериментальную группу, которая будет учиться по совершенно другому плану, не как все. И именно тогда все завершилось... Помню, как тогдашний заместитель декана 28-летний Андрей Владимирович Запороженко весной 1990 года собрал нас, студентов из разных групп, в 320-й аудитории, предложив высказать пожелания, какие бы курсы мы хотели изучать, какие дисциплины нам интересны. Среди предложений были древние и восточные языки, идеи уменьшить педагогический блок, увеличив объем часов на гуманитарные (в первую очередь, на всемирную историю) и социальные (культуру) науки. В итоге со второго курса мне повезло учиться в экспериментальной группе, проложившей дорогу к последующему открытию кафедры истории мировой культуры и запуску на факультете культурологического образовательного блока. Нашей первой завкафедрой стала невысокая и очень коммуникабельная женщина, к которой можно было обратиться всегда и по любому вопросу, с полной уверенностью, что ситуация будет решена. Это и была Людмила Дрёмова.

«Новое» образование, Гердер и Тэн. Спустя более 30 лет обращаясь к прошлому и вспоминая нашу уникальную образовательную программу, в которой было множество курсов по истории культуры стран Европы, Азии, Африки, пусть часто факультативного, но изучения мертвых и живых языков, с трудом понимаешь, как это все стало вообще возможным. Но тогда было начало 1990-х, а отсутствие денег и контроля со стороны государства приводило к парадоксальной ситуации, когда педагогический университет отчасти начинал похо-

дить на средневековый *collegium magistrorum*, объединение магистров и школьников, собравшихся в поисках (рассыпанных по книгам и музеям) осколков культуры. Именно из них следовало собрать уникальный пазл, необходимый для дальнейшего осмысления нашей жизни. Напомню, что никакого интернета в начале 1990-х еще не было, книги по искусству были дорогой редкостью, а к семинарским занятиям нужно было готовиться в ГПНТБ, заказывая пыльные фолианты из книгохранения и читая их по очереди в залах библиотеки.

Выбор интеллектуальной базы, методологических оснований для преподавания истории культуры у каждого преподавателя был свой, часто зависящий от специализации, интереса или прочитанной литературы. Если А. В. Запороженко поражал нас знакомством с трудами М. Элиаде и зороастризмом, а А. Е. Демидчик – своей возможностью читать тексты на древнеегипетском, то для Л. И. Дрёмовой ключевыми авторами стали Иоганн Готфрид Гердер и Ипполит Тэн. Гердеровская идея *Volksgeist* («духа народа») как нельзя лучше соответствовала запросу некоторых тогдашних студентов на «новое образование». В отличие традиционного для советских преподавателей формационного подхода (который можно было бы назвать «марксизмом-энгелизмом») с его «пятичленкой», ориентированной на экономический базис, Дрёмовой, как я понимаю только сейчас, внедрялся гердеровский историзм. Понимание того, что каждая эпоха и каждый народ по-своему уникальны, позволяло не только отойти от европоцентризма [5, с. 89]. Изучая через язык и искусство эту специфику, мы переставали рассматривать основанную на идее «прогресса» модель развития культуры как единственно верную. Для тогдашнего преподавателя прийти в группу студентов, подпитанных Тойнби и Шпенглером, с чем-то вроде «общечеловеческих ценностей», означало бы обречь себя на педагогическое фиаско.

Предполагаю, что именно «мягкое» знакомство с Гердером позволило начать рассматривать уникальность любой эпохи без предвзятости, а историю изучать не в качестве истории великих деятелей и создателей шедевров, а изучать контекст. То, что Гердер называл бы воспитанием гуманности (*Humanität*), для студентов тогдашнего исторического факультета означало воспитание свободы. Иначе говоря, возможности оценивать собственную культуру, не впадая в пиетет перед ней или ценностный релятивизм в духе «у каждого своя мораль» или «так исторически сложилось». В итоге формировалось то целостное, уважительное отношение к культурам (обязательно во множественном числе!), которое помогало впоследствии каждому заниматься своим: для кого-то таким «своим» стала Япония (Светлана Пайчадзе уехала в эту страну на постоянное место жительства), для кого-то – Польша (Дмитрий Карнаухов, учившийся на несколько курсов позже, будет заниматься историей этой страны, достаточно рано защитив докторскую диссертацию). Лично для меня таким «своим», спустя два десятка лет, станет испаноязычный мир. Хотя корни такого интереса к Веласкесу и Лопе-де-Вега формировались именно тогда, в голодные (не только до еды, но и до знаний) 1990-е.

Вторым важным автором для теории культуры Л. И. Дрёмовой стал Ипполит Тэн. Малоизвестный ныне французский позитивист XIX века, чья книга «Философия искусства» стала на занятиях у Л. И. Дрёмовой смыслополагающей, был большинству студентов не очень понятен. Его метод анализа культуры через такие понятия как «раса», «среда» и «момент», казался несколько архаичным. Мы читали Тэна тогда, скорее, в контексте развития идей нарождавшейся культурологии, не пытаясь «приземлить» его к изучению современности. Однако позднее стало ясно, что предлагаемый в работе французского мыслителя подход позволял связать сферу искусства и литературы с изучением истории, осознав причинную обусловленность той или иной эпохи. В итоге усвоение методологии, которую Л. И. Дрёмова как преподаватель предположительно нащупала для себя, было усвоено нами иррационально, в какой-то степени на докритическом уровне. Так, на историческом факультете НГПУ формировался системный подход. Стало понятным, что художественное творчество нельзя рассматривать исключительно через призму искусствоведов или философов-эстетов. Природа, быт, история и даже социальная психология связывались воедино, выстраиваясь в моем сознании (как, я полагаю, и в сознании других студентов – моих одногруппников) в самостоятельную уникальную систему со своими историко-культурными характеристиками.

Полагаю, что именно И. Тэн позволил в рамках преподавания отдельных, часто разрозненных дисциплин, подойти к еще одному важному методологическому понятию – понятию границы и пограничности. Если для самого И. Тэна это понятие обозначало состояние (момент) между прошлым (агонизирующим) и будущим (эмбриональным), то в контексте диалога с Л. И. Дрёмовой это превращалось в «пограничность» как философское понятие, позволяющее сопоставить знаковую и внезнаковую реальность. Приходя в музей (замечу, Людмила Ивановна часто стремилась привлечь к посещению музеев своих студентов и много позже), мы переставали смотреть на картины исключительно как на образцы, признанные сообществом экспертов выдающимися по каким-либо художественным основаниям.

Приведу здесь в качестве иллюстрации известный пример, который Л. И. Дрёмова часто цитировала. Речь о музейной практике в Эрмитаже и последующих семинарских занятиях [3, с. 145]. Рассматривалось творчество Питера Пауля Рубенса, точнее его картина «Три грации». Можно было подойти к описанию работы через внешность, разбирая художественные приемы, которые художник использовал. В этом случае разговор бы упирался в эстетику пышных женских тел, которые мы встречаем на картинах великого фламандца. Можно было говорить о канонах женской красоты, которые переменчивы от эпохи к эпохе. Замечу, что работу Брантома, описывающего современных ему «галантных дам» я прочитал намного позже, а судить о взглядах на женщину в культуре Возрождения и культуре барокко нам часто приходилось «на глазок». И вот, один из моих студентов, чтобы вспомнить, не путает ли он Рубенса с кем-то еще, задал Л. И. Дрёмовой вопрос: «Это тот самый, что писал целлюлитных женщин?» Преподавателя вопрос не только развеселил, но и показался очень

точным. Зацепившись за комментарий студента, она перешла к разговору о том, почему именно Рубенса стоит считать одним из ярких выразителей культуры барокко. После этого каждый участник семинара запомнил не только про целлюлит, но и мог объяснить то, как бугорки и ямочки на бедрах персонажей позволяют по-разному смотреть на весь XVII век [2, с. 360].

Таким образом, запрос на «новое образование», который часто неосознанно присутствовал в студенческой среде начала 1990-х, раскрывался на лекционных и семинарских занятиях. Лекции читались, будто не с целью передачи какого-то информационного массива, а скорее основываясь на идее создать особое настроение, вызвать эмоциональное притяжение к рассматриваемой эпохе, ее участникам, персонажам, историческим обстоятельствам. В итоге ставшие широко известными выражения Л. И. Дрёмовой про «ум придумал» и «чувства восприняли» оказывались не набором тавтологий, а способом анализа материала культуры, языка и способа его выражения. Менялся при этом и традиционный взгляд на образование как на обучение и/или воспитание. Становилось понятным, что образование – это больше про формирование человека, свободного существа, чей досуг (будь то предмет мебели, интерьера, картина или книга) составляет его подлинную реальность. *Otium post negotium* – говорили деятели эпохи Возрождения. Мы же, студенты начала 1990-х, таким «досугом» (лат. *otium*) воспринимали занятия в университете. Многим уже приходилось работать. Сам я на 3-м курсе устроился на постоянную работу (*negotium*) сначала в одну (№ 202), а затем и во вторую (№ 70) школу. Причем к 5-му курсу уже работал в них на 1,5 ставки учителя истории. Поэтому возможность прийти на семинар к Л. И. Дрёмовой (да и не только к ней) и поучаствовать в обсуждении, например, барочной культуры была в полном смысле освобождением от труда. Позднее это было осознано в значение «школы» как категории, чья изначальная этимология связана именно с досугом, а не насилием над личностью школьника.

Роль Л. И. Дрёмовой в жизни и судьбе. Замечу, что в жизни мне повезло общаться с Л. И. Дрёмовой как минимум трижды. В первую очередь, как ученику с учителем. Во-вторых, как сотруднику кафедры, где отношения выстраивались по линии «руководитель – подчиненный» (Людмила Ивановна долгие годы была моим первым заведующим). И, наконец, в-третьих, как с коллегой по вузу и с человеком, который стал моделирующим примером. Уже работая в другом институте, на должности заведующего кафедрой, я часто осознавал, что стараюсь соответствовать той высокой человеческой планке, которую когда-то наблюдал у Дрёмовой. Прежде всего, во взаимоотношениях с коллегами (подчиненными я бы их никогда не назвал), сотрудниками.

В связи с этим вспоминается три случая из жизни, в которых Людмила Ивановна сыграла судьбоносную роль исключительно для меня. Первый случай – устройство на работу. Еще до окончания вуза я с подачи Л. И. Дрёмовой стал работать в школе № 70 (с углубленным изучением французского языка, сейчас это Гимназия № 16 «Французская»). Завуч образовательной организации обратилась в поиске кадров (требовался учитель истории) к Л. И. Дрёмовой,

а она порекомендовала меня, случайно пробежавшего мимо по коридорам. После того как в 1994 году состоялся наш выпуск из университета (за год до этого НГПИ стал НГПУ), на своей кафедре Л. И. Дрёмова «приютила» сразу четверых выпускников. Объяснялось это, понятное дело, не только и не столько нехваткой кадров. Нужно было заботиться о преемстве, трансляции педагогического опыта. И Л. И. Дрёмова как заведующий кафедрой не только «охотилась» за кадрами, приглашая коллег из НГУ и других организаций, но и «питала» нас, побуждая заниматься наукой и преподаванием. Финансовая ситуация в середине 1990-х была катастрофической. Доходы пожирала галопирующая инфляция, мотивировать можно было разве что предложением работы в «коммерческих» (внебюджетных) группах. На нашем сленге это называлось «хождением в народ». Подобно разночинцам XIX века, мы еженедельно разъезжали по области и за ее пределы (как правило, занятия в городах Новосибирской области проходили по субботам и воскресеньям), преподавая все подряд – начиная от латыни и заканчивая основами естествознания.

Спустя год моей работы в роли ассистента кафедры истории мировой культуры (самая младшая преподавательская должность в вузе), я решил поступать в аспирантуру. Посоветовавшись с руководителем моей выпускной работы Ю. П. Ивоным, было решено обратиться с рекомендацией от него к заведующему кафедрой философии НГУ В. П. Фофанову. К тому времени в НГУ уже начала работать магистратура по философии. Я мог ожидать, что мне предложат сначала отучиться в ней, поскольку мое образование было все же педагогическим, а не философским. Но В. П. Фофанов принял рекомендацию положительно. Он сказал собирать документы (в частности, нужна была рекомендация от вуза).

Однако поступление осложнялось позицией тогдашнего проректора по науке А. Ж. Жафярова. Он отказывался подписывать рекомендацию, указывая на два обстоятельства: наличие аспирантуры по философии в НГПУ и неясность финансовой стороны вопроса (сколько НГУ попросит за обучение в аспирантуре?). Возникла странная ситуация: меня собирались взять в аспирантуру на основании вступительных испытаний, бесплатно (за счет бюджетных средств), а проректор по науке вынуждал меня отказаться от планов поступать в НГУ или звонить туда и спрашивать о стоимости образовательных услуг по договору. В итоге в ситуацию включилась именно Л. И. Дрёмова. Вместе с ней мы пошли к другому проректору – В. И. Соболеву, осознавшему ситуацию и пообещавшему заплатить круглую сумму за счет внебюджетных средств. Так я оказался в аспирантуре НГУ.

К концу 1990-х ситуация с учебной нагрузкой на кафедре стала усложняться. Выяснилось, что на факультете есть 0,4 ставки по должности «системный администратор». Старые компьютеры (в компьютерном классе и на кафедрах) нужно было обслуживать, периодически переустанавливая на них «пиратский» софт, включая Windows-98. Так, с подачи Л. И. Дрёмовой уже в третий раз у меня появился дополнительный приработок, позволявший заниматься любимым делом и продолжать работу в вузе. И это только несколько фактов моей лич-

ной биографии. Сколько подобных случаев могли бы рассказать другие, даже не могу себе представить.

Спустя годы и оказавшись в той же роли заведующего кафедрой, что и когда-то Л. И. Дрёмова, я внезапно осознал, что повторяю (возможно, неосознанно) ее стиль поведения. Ты можешь быть «мягким и пушистым», улыбаться и пожимать руки, выполняя свои привычные обязанности по работе. Но когда возникает необходимость защитить своих студентов или коллег от необоснованных нападков со стороны «власть придержащих», ты становишься жестким и напористым. Ведь речь уже не о твоём интересе, речь об интересе других, общем интересе. Тебе может лично не нравиться кто-то из коллег, у него может быть вздорный и конфликтный характер, но если он профессионал и его деятельность полезна для решения образовательных задач, ты встаешь на его защиту (особенно в тех случаях, когда он об этом не просит, даже может о твоей «помощи» не догадываться). Вот такой урок я когда-то получил от Л. И. Дрёмовой.

Что такое «педагогическое барокко»? Одной из основных категорий, усвоенных мною в процессе многолетнего общения с Л. И. Дрёмовой, стало понятие «барокко». Вначале оно относилось к периоду в истории западноевропейской культуры и искусства, который преподавала Людмила Ивановна. Вспоминается наша поездка с ней в Санкт-Петербург в 1995 году. Как мне казалось, меня тогда старшие коллеги (О. Н. Катионов и Л. И. Дрёмова) взяли из сострадания. Когда музейную практику проходила моя группа, поехать мне не позволила семейная и финансовая ситуация (денег не было, сыну было около года) и я проходил ее с еще двумя студентами в музее Института археологии в Академгородке. Теперь же на практику вывозили студентов 3-го курса, а я ехал уже в качестве преподавателя, их сопровождающего.

Помню, что с нами тогда поехало несколько китайских студентов, учившихся по обмену [1, с. 192]. Все они были в одинаковых красных пуховиках, что бросалось в глаза. Вход в Эрмитаж и другие музеи Санкт-Петербурга (например, Кунсткамеру) для российских студентов был бесплатным (об этом была договоренность, которую благодаря Л. И. Дрёмовой удалось достичь заранее). Более того, нам читались лекции сотрудниками музеев. После одной из таких лекций, например, экскурсию по «малым голландцам» я мог бы провести и сейчас. Как же быть с китайцами? Выход был простой. «Хитроумная» (почти как Одиссей) Л. И. Дрёмова решила выдать китайских граждан за «студентов из Тувы или Бурятии». Красные пуховики продолжали вызывать сомнение во взгляде работников гардероба, однако сами студенты вместе с нами слушали лекции в залах музеев.

Именно тогда, в процессе общения, мне становилось ясно, что для Л. И. Дрёмовой барокко – нечто большее, чем просто стиль в искусстве или культуре. Часто, обращаясь к событиям и явлениям современной нам жизни (например, оценивая стихотворение, песню или художественный фильм), можно было услышать: «это – барокко». Вот так «дрёмовское барокко» позднее было осознано мною не как стиль, а как образовательный метод. Ведь историческое барокко

(культура XVII века) сформировало ряд черт, которые были востребованы всеми нами, спустя несколько столетий и живущими в Сибири, на периферии европейской культуры и цивилизации.

Согласно этой педагогической парадигме, образованный человек – это «человек чувствующий» [6, с. 110]. Символы, аллегории, риторические приемы, синтез религиозного и светского восприятия – все это оказывает эмоциональное воздействие на ученика. Жизнь в этой игре света и тени, звука и молчания оказывается театральной игрой, где роли – условны. Рациональность становится не господством формальной логики, а знанием правил эстетики и норм учтивости.

Можно сказать, что у Л. И. Дрёмовой барочная парадигма вступила в соприкосновение со школой диалога культур. Предложенная Владимиром Библером еще в 1980-х годах образовательная концепция оказалась востребована в провинциальном вузе 1990-х, а затем и 2000-х. Возможность вести диалог с эпохами и мировоззрениями, а не усваивать готовые идеологические схемы привела к тому, что в сознании студентов вступали в диалог поэт и философ-теоретик. Задача учителя в этом случае – помочь ученикам «погрузить на корабль» запас материала в виде текстов, картин, произведений и отправиться в путешествие по дороге, которую вы прокладываете в процессе разговора. Играть роль кормчего, навигатора, а не проповедника бывает сложно, но при этом каждый раз увлекательно, интересно.

Место заключения. Последние годы, занимаясь преподаванием философских дисциплин (этики, истории философии), все чаще стараюсь прибегать к этому методу, открытому моим первым заведующим кафедрой. И каждый раз, приступая к Декарту или Лейбницу, я слышу барочную музыку, иностранную речь и т. п. Так работает воображение, захватывая и увлекая собой в попытке посмотреть на мир глазами человека другой эпохи.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Дрёмова Л. И., Тихомирова Е. Е. Адаптация студентов КНР в коммуникативном пространстве педагогического вуза // Кросс-культурный подход в науке и образовании: Материалы Международного междисциплинарного семинара. – Новосибирск: Новосибирский государственный педагогический университет, 2009. – С. 189–194.
2. Дрёмова Л. И. Моделирование мира человека художественными средствами // Культурное многообразие: от прошлого к будущему. Программа. Тезисы докладов и сообщений. – СПб.: Российский институт культурологии, Санкт-Петербургский государственный университет, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Санкт-Петербургский университет культуры и искусства, МАЭ им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН, Научный совет РАН «История мировой культуры», Российский государственный гуманитарный университет, Русская христианская гуманитарная академия, Научно-образовательное культурологическое общество, 2008. – С. 360.
3. Дрёмова Л. И. Музей и культура // 60 лет НСО: материалы научно-практической конференции. – Новосибирск: Комитет по культуре Администрации Новосибирской области, Областной краеведческий музей, 1997. – С. 145–146.
4. Дрёмова Л. И. О юбилее кафедры теории, истории культуры и музеологии ИИГСО НГПУ // Культурно-антропологические исследования. – 2011. – № 1 (3). – С. 6–10.

5. Дрёмова Л. И. Хронотоп культуры // Культурно-антропологические исследования. – 2011. – № 1 (3). – С. 87–90.
6. Тихомирова Е. Е., Чапля Т. В. Ум замыслил, чувства восприняли, руки сделали // Культурно-антропологические исследования. – 2021. – № 1. – С. 109–115.

REFERENCES

1. Dryomova L. I., Tikhomirova E. E. Adaptation of Chinese Students in the Communicative Space of a Pedagogical University. *Cross-Cultural Approach in Science and Education: Proceedings of the International Interdisciplinary Seminar*. Novosibirsk: Novosibirsk State Pedagogical University, 2009, pp. 189–194. (In Russian)
2. Dryomova L. I. Modeling the Human World by Artistic Means. *Cultural Diversity: From the Past to the Future. Program, Abstracts and Communications*. St. Petersburg: Russian Institute of Cultural Studies, St. Petersburg State University, Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg University of Culture and Arts, Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences, Scientific Council of the Russian Academy of Sciences “History of World Culture,” Russian State University for the Humanities, Russian Christian Academy of Humanities, Research and Educational Society for Cultural Studies, 2008, p. 360. (In Russian)
3. Dryomova L. I. Museum and Culture. 60 Years of Novosibirsk Oblast: Proceedings of a Scientific-Practical Conference. Novosibirsk: Committee for Culture of the Administration of Novosibirsk Oblast, Regional Museum of Local Lore, 1997, pp. 145–146. (In Russian)
4. Dryomova L. I. On the Anniversary of the Department of Theory, History of Culture and Museology at the Institute of History, Humanities and Social Education of Novosibirsk State Pedagogical University. *Culture and anthropology research journal*, 2011, no. 1/3, pp. 6–10. (In Russian)
5. Dryomova L. I. The Chronotope of Culture. *Culture and anthropology research journal*, 2011, no. 1/3, pp. 87–90. (In Russian)
6. Tikhomirova E. E., Chaplya T. V. The Mind Conceived, the Senses Perceived, the Hands Made. *Culture and anthropology research journal*, 2021, no. 1, pp. 109–115. (In Russian)

Информация об авторе

А. В. Харламов, кандидат философских наук, доцент, Новосибирский государственный педагогический университет, Новосибирск, Россия, harlam@inbox.ru

Information about the Author

A. V. Kharlamov, Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor, Novosibirsk State Pedagogical University, Novosibirsk, Russia, harlam@inbox.ru

Статья поступила в редакцию: 23.03.2026

Одобрена после рецензирования: 20.04.2026

Принята к публикации: 22.04.2026

The article was submitted: 23.03.2026

Approved after reviewing: 20.04.2026

Accepted for publication: 22.04.2026